

На правах рукописи

ЛИТВИНКО МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В СССР В ЗЕРКАЛЕ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИТРОПОЛИТА ГУРИЯ (ЕГОРОВА))**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Краснодар 2018

Работа выполнена на кафедре истории России
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель:

Матвеев Олег Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Официальные оппоненты:

Шкаровский Михаил Витальевич,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры церковной истории
Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего
образования «Санкт-Петербургская Духовная Академии Русской Православной
Церкви» (г. Санкт-Петербург);

Бирюкова Юлия Александровна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры православной культуры и
теологии Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты
Ростовской области (г. Шахты).

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(г. Симферополь).

Защита состоится 16 ноября 2018 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссер-
тационного совета Д 212.101.03 по защите докторских и кандидатских диссер-
таций на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адре-
су: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail:
dissovet.fismo@kubsu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского
государственного университета. Электронная версия автореферата размещена
на сайте ВАК при Минобрнауки России: <http://vak.ed.gov.ru>. Диссертация и ав-
тореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета:
<http://www.kubsu.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф.

А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В условиях вызовов, с которыми сталкивается современное Российское государство, важны консолидационные усилия, способствующие преодолению расколов и исторических обид. Одним из них стало подписание документа о взаимодействии и восстановлении единства Русской православной церкви и Церкви русского зарубежья 17 мая 2007 г., который заверили глава Русской православной церкви патриарх Алексий II и митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр.

Государственно-церковные отношения складывались в нашей стране не просто, знали примеры грубого вмешательства советского государства и партийной идеологии в церковные дела, гонения и преследования в отношении церковной организации и верующих. Но имели место и попытки понять друг друга, совместная практика отстаивания духовных ценностей, патриотизма. Поэтому изучение истории формирования компромиссного пространства, в котором происходило взаимодействие Русской православной церкви с советским государством в условиях тяжелых испытаний XX столетия, имеет чрезвычайно актуальный характер.

Сегодня институты власти Российской Федерации и руководство Русской православной церкви осуществляют прямые рабочие контакты, между ними установлены доверительные отношения. Общими усилиями налажено взаимодействие, позволяющее утверждать нравственные начала в жизни страны и ее народов. В то же время российское общество ожидает большего, более глубокого нравственного влияния Церкви на действия олигархов и государственных чиновников, воплощения ценностей и норм справедливости и социальной ответственности. Имеют место серьезные противоречия по вопросам артефактов духовного наследия, связанных с возвратом Церкви зданий и земельной собственности. Отдельные представители российского интеллектуального сообщества высказывают немалые опасения по поводу клерикализации учебно-воспитательного процесса. Источником подобных проблем нередко является недостаточная изученность церковно-государственных отношений в нашей стране, которая приводит к поверхностному осмыслению имеющегося исторического опыта.

Процесс движения Церкви и государства навстречу друг другу, выстраивание модели взаимопонимания невозможно представить без конкретных персоналий. Среди тех, кто способствовал сбережению веры и нравственных начал Церкви в условиях советского государственного строя, ярко выделяется незаурядная личность митрополита Гурия Егорова (1891–1965).

Объектом диссертационного исследования является развитие церковно-государственных отношений в СССР.

Предметом диссертационного исследования предстает церковная и общественная деятельность митрополита Гурия (Егорова) в социально-историческом контексте развития церковно-государственных отношений в СССР.

Географические рамки исследования включают территории, с которыми была связана церковная и общественная деятельность митрополита: г. Петроград (Ленинград), Среднюю Азию, Поволжье, Украину и Белоруссию.

Хронологические рамки исследования очерчены 1917–1960 гг., в рамках которых Гурий (Егоров) осуществлял своё духовное служение и происходила эволюция церковно-государственных отношений в Советской России и в СССР.

Степень изученности проблемы. В истории исследования темы выделяются 3 основные направления: 1) изучение истории церковно-государственных отношений в СССР; 2) исследования, посвященные жизни и деятельности митрополита Гурия; 3) разработка категориально-понятийного аппарата персональной истории.

В изучении истории церковно-государственных отношений в СССР можно обозначить пять направлений: советская историография, эмигрантская, церковная, зарубежная и новейшая российская.

В советской историографии вплоть до конца 1980-х гг. церковь рассматривалась в качестве враждебной советскому строю силы. В литературе практически не говорилось о гонениях на религию и церковь, отстаивалось положение о реакционной сущности религиозных организаций. Утверждалось, что советская власть способствует благоприятному климату для искоренения религиозных предрассудков¹. К заслугам советской историографии следует отнести изучение эволюции советского законодательства по конфессиональным вопросам.

Стимулами к расширению исследования проблематики церковно-государственных отношений послужили принятие Конституции 1977 г., которое пробудило интерес к вопросам регулирования конфессиональной политики советского государства², а также празднование тысячелетия крещения Руси в 1988 г., которое стимулировало попытки критически осмыслить церковную политику советского государства. Ярким выражением этого переосмысления явилось появление коллективного труда, который проводил идею постепенной гармонизации взаимоотношений государства и осуждал отдельные эпизоды антирелигиозной политики в нашей стране³.

Большое значение имели работы М.И. Одинцова, который привлек в научный оборот материалы архива Московской патриархии, ранее закрытые фонды Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), более глубоко исследовал основные этапы отношений Советского государства и Церкви⁴.

¹ Иванов А.И., Лобазов П.К. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. М., 1973; Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1981.

² Ключков В.В. Закон и религия: от государственной религии к свободе совести в СССР. М., 1982; Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20–80-е годы XX столетия). М., 1984; Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. М., 1985.

³ Русское православие. Вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989.

⁴ Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести / сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и

Главная тема историографии русского зарубежья – гонения на верующих в СССР. В эмигрантской исторической литературе отрицалась возможность компромисса Церкви и атеистического государства, поэтому отстаивалось мнение о том, что Московская патриархия встала на путь предательства интересов верующих¹. Так, И.А. Ильин считал, что «советская церковь» не является Русской православной церковью, потому что представляет не верующих, а «волю советчины»².

В церковной историографии наиболее серьезное обращение к теме принадлежит протоиерею Владиславу Цыпину³. В русле очередных гонений на Церковь в 50–60-е гг. XX в. последней он рассматривает личную инициативу Н.С. Хрущева. Антирелигиозная политика последнего не увенчалась успехом и не оправдала надежд командно-административной системы в СССР, так как от православия отошли лишь случайные люди и неверующие. Особого упоминания заслуживает статья В.В. Антонова⁴, в которой подробно излагается история Александро-Невского братства, его уклад, особенности внутренней жизни и его социально-просветительская деятельность. В основе церковной историографии лежит концепция провиденциализма, согласно которой движущей силой истории является Божья воля.

Зарубежная историография долгое время акцентировала внимание лишь на репрессивной конфессиональной политике большевиков в отношении Русской православной церкви⁵. В новейшей англо-американской исторической литературе о церковно-государственных отношениях в СССР привлекает стремление ряда авторов уйти от крайностей. Так, заслуживающей внимания представляется позиция профессора Вашингтонского университета С. Рамет, которая оценивает эпоху послевоенных взаимоотношений советского государства и Церкви как определенный стабильный этап модели социалистического общества⁶. Финский историк А. Лууканен выступает против оценки конфессиональной по-

о. Марка (Смирнова). М., 1989. С. 29–71; Он же. Государство и церковь: история взаимоотношений. М., 1991.

¹ Елисеев А.Б. Советская власть и «советская церковь»: взаимоотношения государства и православной церкви в годы Великой Отечественной войны в оценках эмигрантской историографии // Война в истории и судьбах народов Юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы междунар. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 83–87.

² Ильин И.А. О советской церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://catacymb.org.ua/rubr11/r1111.htm> (дата обращения: 12.02.2017).

³ Цыпин В., протоиерей. История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М., 2007.

⁴ Антонов В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. № 15. С. 424–445.

⁵ Павлов Д.Б. Русская православная церковь, государство и общество первой четверти XX века в зарубежной историографии // Российская история. 2011. № 5. С. 163–172.

⁶ Ramet S.P. Nihil Obstat: Religion, Politics and Social Change in East-Central Europe and Russia. Durham, 1998. P. 21.

литики большевиков как постоянно раскручиваемого маховика преследований¹. По мнению исследователя, скорее следует говорить о «колеблющемся» курсе, который зависел больше от отдельных персоналий, партийных вождей, нежели от общепартийных доктрин. Характеризуя уровень современной иностранной историографии, можно в целом согласиться с оценкой канадского историка украинского происхождения Д.В. Поспеловского, что западные авторы внесли определенный вклад в изучение проблемы, однако воспринимали прошлое российской духовности «извне, а не изнутри»².

Новейшая российская историография характеризуется отказом от прежних предубеждений в отношении Церкви, привлечением новых документальных материалов ранее не задействованных историками, углублением масштаба исследовательских проблем, широтой концептуальных подходов³. Так, М.И. Одинцов стал использовать в практике научных исследований метод моделирования церковной политики советского государства⁴.

Во многом новаторский характер носили работы О.Ю. Васильевой, которая аргументировала положение о том, что иерархи Церкви решили пойти на «очередной компромисс» не только для сохранения церковной организации, но и для усиления ее позиций в советском обществе⁵. Масштабные гонения на Церковь в хрущевский период, по мнению ученого, были во многом вызваны пересмотром отношения к сталинскому наследию, в которое включалось и восстановление позиций Русской церкви в советском государстве⁶. Российский исследователь И.Я. Шимон аргументировал положение о том, что условия военного времени потребовали от советского правительства реализации на практике принципа свободы совести, восстановления полноценной приходской жизни, использования нравственного опыта, патриотизма русского православия для мобилизации усилий на отпор врагу⁷.

Петербургский историк М.В. Шкаровский выпустил монографию, в которой рассмотрел ответную реакцию духовенства и верующих на действия госу-

¹ Luukkanen A. The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917–1929. Helsinki, 1994. P. 31–32.

² Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 4–5.

³ Шакирова Э.З. К вопросу о современной историографии государственно-церковных отношений в России второй половина XX века // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2013. № 9 (158). С. 58–65.

⁴ Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; Он же. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.

⁵ Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 16.

⁶ Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54; Она же. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/sovietstate-church.htm> (дата обращения: 24.05.2017); Она же. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999.

⁷ Шимон И.Я. Отношения Советского государства и Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. С. 27.

дарственных органов, сделал первый в отечественной историографии шаг в изучении проблемы Сопротивления русского православия. Хорошо представлены в его исследованиях 1920–1960-е гг.¹ В контексте персональной истории митрополита Гурия (Егорова) вызывают интерес работы М.В. Шкаровского «Александро-Невское братство. 1918–1932 годы» (2003) и «Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945» (1995).

В 1999 г. вышла в свет монография Т.А. Чумаченко «Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг.», в которой автор стремится обосновать точку зрения, согласно которой в различных регионах СССР специальные уполномоченные советские чиновники искренне стремились сотрудничать с церковной администрацией и только трагические обстоятельства сталкивали людей с правового поля на линию притеснений².

Феномену роста религиозного сознания в СССР посвящен отдельный блок исследований церковно-государственных отношений, который позволил показать массовую социальную основу протеста против антицерковной политики советского государства, воздействие веры на государственное сознание народа, отношение к труду, богатству, поведение в быту и др.³ Обращают на себя внимание монографии А.Н. Кашеварова, Н.А. Кривовой и И.Н. Заевой, которые анализируют позиции различных слоев и групп духовенства, рассматривают роль ОГПУ и Политбюро ЦК РКП(б) в изъятии церковных ценностей, «дело патриарха Тихона» и другие вопросы⁴. В докторской диссертации и монографиях Ю.Н. Макарова рассмотрено влияние советских спецслужб на разработку и проведение религиозной политики в СССР. Ученый впервые ввел в научный оборот ряд материалов из фондов архива Управления ФСБ по Краснодарскому краю⁵. Большой интерес для нашей темы представляют исследования церковно-государственных отношений в СССР по тем регионам, где приходилось служить Гурию Егорову⁶. В сравнительном плане привлечены работы и по другим областям СССР¹.

¹ Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. СПб., 1995; Он же. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.

² Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М., 1999.

³ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000; Кашеваров А.Н. Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999.

⁴ Кашеваров А.Н. Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999; Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; Заева Н.И. Государственная политика в отношении Русской православной церкви (1917–1923 гг.). Славянск-на-Кубани, 2008.

⁵ Макаров Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007; Он же. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917–1930 гг.). Краснодар, 2005; Он же. Органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ и Православная российская церковь (1919–1927 гг.). Сочи, 2007.

⁶ Колымагин Б.Ф. Крымская экумена: Религиозная жизнь послевоенного Крыма. СПб., 2004; Катунин Ю.А. Православная церковь Крыма в 1958–1963 гг. // Культура народов Причерно-

Фигура митрополита Гурия до недавнего времени обращала на себя внимание лишь представителей церковной историографии. В 1999 г. вышла небольшая книга митрополита Иоанна (Вендланда) «Митрополит Гурий (Егоров)»², написанная им в дань уважения к своему духовному отцу и в память о нем, и его же статья в периодическом издании³. Следует также упомянуть о книге, появившейся в память о владыке Гурии, в судьбе автора которой митрополит сыграл важную, определяющую роль. Это работа игумена Варсонофия (Веревкина) «Учение о молитве по Добротолюбию»⁴.

Е.В. Липаков и Н.Н. Чугреева посвятили Гурию специальную статью в «Православной энциклопедии»⁵. Здесь представлены основные вехи общественной и церковной деятельности митрополита, обозначен его вклад в установление компромиссных отношений Церкви и власти. Московский церковный

морья. Симферополь, 2001. № 22. С. 89–95; Асанова С. Православная церковь в Средней Азии в 1941–1945 годы // Восток Свыше. Духовный, литературно-исторический журнал. 2015. Вып. XXXVII, № 2 (апрель – июнь). С. 51–55; Годлевский Н.П. Епископат восточно-украинских епархий в отчетах уполномоченных по делам Русской православной церкви в 1958–1962 гг. // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. 2016. Вып. 3 (34). С. 138–144; Соколова М.И. Советское государство и Русская православная церковь в 1953–1964 гг. (на материалах Сталинградской (Волгоградской) области): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2016; Мандрик С.И., Горанский А.О. Этапы и последствия обострения государственно-церковных отношений в Беларуси в 1953–1964 гг. // 1917–2017 гг. Православие в истории и культуре Беларуси: итоги столетия : материалы Республ. науч.-практ. конф. Свято-Макариевских образовательных чтений (в рамках региональных Рождественских чтений), 17 ноября 2016 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: архиепископ Пинский и Лунинецкий Стефан (Корзун) (гл. ред.), А.В. Демидович (отв. ред.), протоиерей В.В. Лозовский (отв. ред.) и др. Барановичи, 2016. С. 108–111.

¹ Горбатов А.В. Государственно-церковные отношения в Сибири (1949–1952 гг.) // Известия Томск. политехн. ун-та. 2007. Т. 310, № 3. С. 166–170; Смирнова О.С. Деятельность Института уполномоченных по делам Русской православной церкви в 1944–1965 гг. (на материалах Верхнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2010; Шабалин Н.В. Русская православная церковь и Советское государство в середине сороковых – пятидесятые годы XX века (на материалах Кировской области). Киров, 2004; Гераськин Ю.В. Взаимоотношения Русской православной церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 г. (на материалах областей Центральной России): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; Макарова Д.Ю. Эволюция взаимоотношений Русской православной церкви и советского государства в 1943–1991 гг. (на материалах Курской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015; Леонтьева Т.Г. Калининская епархия в послевоенный период (1945–1943 гг.) // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия «История». 2016. № 4. С. 39–58; Шубкин В.М. Оренбургская епархия в периоды хрущевских гонений (1958–1964) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Серия II: История. История Русской православной церкви. 2013. Вып. 2 (51). С. 69–85; Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (по материалам Байкальского региона): дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2009 и др.

² Иоанн (Вендланд), митрополит. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Ярославль, 1999.

³ Иоанн (Вендланд), митрополит. Митрополит Гурий (Егоров) // Вестник Русского Христианского движения. Париж; Нью-Йорк; Москва, 1998. № 179. С. 182–253.

⁴ Варсонофий, игумен (Веревкин В.С.). Учение о молитве по Добротолюбию. Рыбинск, 2002.

⁵ Липаков Е.В., Чугреева Н.Н. Гурий // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XIII. С. 463–469.

историк Н.П. Годлевский (иеромонах Алексей) затрагивал деятельность митрополита Гурия в связи с ситуацией в восточно-украинских епархиях¹.

В целом спектре направлений исторической биографики и персональной истории обозначим основные, которые знаменовали развитие этого направления в зарубежной и отечественной историографии. В советской науке марксистский подход к биографии стал предполагать исследование персоналии в контексте эпохи через диалектику взаимовлияния исторического процесса и исторической личности². Однако персонажи исторических исследований рассматривались как воплощение объективных законов исторического развития, что порой приводило к игнорированию особенного. Тем не менее, А.З. Манфред, Е.В. Тарле, М.В. Нечкина, Н.И. Павленко, Н.Я. Эйдельман, Р.Г. Скрынников и др. представили немало ярких работ, выполненных в жанре исторической биографии.

В 1960-е гг. в советской исторической науке наметилась тенденция выйти за рамки характеристики деятельности исторической персоналии сугубо как результата развития общественно-хозяйственных явлений. В ходе дискуссии, развернувшейся в 1960–1970-х гг. на страницах журналов «История СССР», «Вопросы истории» и «Вопросы литературы», советские историки поставили задачу разработки не только конкретных тем, но и методологического осмысления исторической биографии³.

К достоинствам советской историографии следует отнести разработку проблем биографического жанра в историко-культурном контексте. Новаторской в области биографических исследований стала книга М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском, главной идеей которой стала взаимосвязь биографии, исторических событий и научного творчества⁴. Выдающимся достижением советского биографического жанра было рассмотрение Ю.М. Лотманом жизнеописания как сложно устроенного и распадающегося на иерархию текстов в тексте.

Для западных историков судьба отдельных исторических персоналий давно стала средством познания крупных исторических явлений и процессов. По мнению французского историка Ж. Ле Гоффа, чтобы увидеть жизнь исторического персонажа, необходимо исследование того мира, в котором он осуществляет свою историческую миссию⁵. Представитель итальянской микроистории Дж. Леви выделил несколько разновидностей биографического метода. Во-первых, просопографию или модальную биографию, при которых персональная история представителя той или иной социальной общности фокусирует в себе

¹ Годлевский Н.П. Епископат восточно-украинских епархий в отчетах уполномоченных по делам Русской православной церкви в 1958–1962 гг. // Вестник Перм. гос. ун-та. Серия: История. 2016. Вып. 3 (34). С. 138–144.

² Биография как историческое исследование // История СССР. 1970. № 4. С. 239.

³ Там же. С. 234–237.

⁴ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 53.

⁵ Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / коммент. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. С. 22.

качества этой последней¹. Второй подход предполагает изучение контекста эпохи, которая объясняет своеобразие развития человеческой судьбы. В третьем случае история жизни того или иного человека исследуется для анализа времени и пространства, в котором этот человек действует, и границ возможностей контекста в «пограничных» ситуациях. Наконец, четвертый, «герменевтический» подход подчеркивает роль коммуникации между индивидами и культурами².

Вызывает интерес обращение новейшей российской историографии к проблемам персональной истории. В отечественной литературе сложилось несколько подходов к явлению персональной истории. Один из них, декларируемый Д.М. Володихиным, отстаивает самоопределение и идентичность исторических персоналий, дистанцируется от социально-исторического контекста. Исследователь считает, например, что если брать в качестве объекта исследования фигуру Наполеона Бонапарта, то это должен быть полководец без своих величественных битв и свершений³.

Нам более близкой представляется концепция персональной истории, которую обосновывает выдающийся российский специалист в области теории и методологии исторических исследований Л.П. Репина. Исследователь призывает к «плюралистическому и динамическому» видению персональной истории, к «концептуализации взаимодействия» между отдельными людьми и общественными институтами, частным и общим, определенным и абстрактным⁴.

Изучение историографии вопроса приводит к необходимости специального исследования общественной и церковной деятельности митрополита Гурия (Егорова) в социально-историческом контексте государственно-церковных отношений в СССР в рамках диссертации.

Целью диссертации является определение социально-исторического контекста государственно-церковных отношений в СССР в 1920–1960-е гг. в персональной биографии видного деятеля Русской православной церкви митрополита Гурия (Егорова). Для исследования темы были определены и решались **задачи**:

- выявить особенности церковно-государственных отношений в СССР в 1918–1940 гг.;
- дать характеристику трансформациям церковно-государственных взаимоотношений в годы борьбы с немецко-фашистскими захватчиками;
- установить эволюцию поисков понимания между партийно-государственными и церковными институтами в послевоенный период;

¹ Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 197.

² Там же. С. 199–200.

³ Володихин Д.М. Предисловие // Персональная история / под ред. Д.М. Володихина. М., 1999. С. 5–6.

⁴ Репина Л.П. От «Истории одной жизни» к «Персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. 2-е изд. М., 2010. С. 73–74.

– реконструировать процесс становления личности, церковной и общественной деятельности Гурия (Егорова) в контексте войн и социальных преобразований в России в 1918–1940 гг.;

– исследовать персональную историю архимандрита Гурия (Егорова) в годы преследований и ссылок и его возвращение к активной общественной и церковной деятельности;

– осмыслить церковную и общественную деятельность Гурия (Егорова) во главе епархий Русской православной церкви в Средней Азии, в Поволжье и на Украине в 1946–1958 гг.;

– дать характеристику белорусскому периоду деятельности Гурия;

– охарактеризовать церковную и общественную деятельность Гурия (Егорова) в Ленинградско-Ладожской епархии и в Крыму.

Источниковую базу исследования условно можно подразделить на следующие виды:

1) нормативные документы: постановления ВКП(б)/КПСС и правительства СССР, а также документы Русской православной церкви, регламентирующие ее деятельность;

2) материалы делопроизводства;

3) материалы личного происхождения;

4) материалы периодической печати.

В первую группу включены сборники постановлений ЦК КПСС и Правительства СССР и РСФСР, публикации архивных материалов о конфессиональной политике партийно-государственной номенклатуры Советского Союза, внутрицерковной повседневности¹. Эти публикации нормативных актов и документов, партийных и ведомственных учреждений, Русской православной церкви помогают уяснить эволюцию церковно-государственных отношений, механизмы адаптации церковных институтов в Советском государстве.

Вторую группу составила делопроизводственная документация (отчеты уполномоченных по делам Русской православной церкви, хроника наблюдений, характеристики, предписания и др.), характеризующие общественную и церковную деятельность митрополита Гурия (Егорова). В числе материалов ГАРФ (Государственного архива Российской Федерации) привлечены материалы

¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М., 2008; Православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996; Архивы Кремля. В 2 кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997; Кн. 2. 1998; Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 3; Т. 5; Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М., 1991. Т. I; Примерный устав братства // Из личного архива протоиерея Георгия Северина: рукопись. С. 133–141; Примерный устав братства // Антонов В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. № 15. С. 442–445.

Ф. 6991, связанного с деятельностью Совета по делам религии при советском правительстве, в том числе личное дело митрополита Крымского и Симферопольского Гурия (Егорова) на 72 листах, отражающее не только последние годы служения иерарха, но и сведения о его предшествующей жизни, характеристики на него уполномоченных по делам Церкви¹. Эти материалы включают не только информацию о персональной истории митрополита, но и иллюстрируют особенности взаимоотношений церковных и государственных органов.

Значительный интерес представляют материалы спецслужб, предоставленные нам при соответствующем официальном запросе архивохранилищем спецслужб по Северо-Западу СССР, которые содержат показания арестованных по делу Александрово-Невского братства, оперативную информацию о Гурии и его соратниках².

В фондах Национального архива Республики Беларусь нами выявлен целый пласт документов, отражающих период нахождения митрополита Гурия во главе Минской и Белорусской епархий³.

Из региональных архивохранилищ задействован фонд Р-9324 Центрального государственного архива г. Санкт-Петербурга, который содержит материалы уполномоченных по линии Церкви при правительстве СССР по Ленинграду и Ленинградской области⁴. Эти материалы включают переписку главы епархии с Ленинградским областным и городским исполкомом, с канцелярией митрополита и различными организациями. В Государственном архиве Республики Крым востребован фонд уполномоченного по Крыму Р-2647⁵.

Введенные нами в научный оборот церковные документы представлены отчетами, перепиской и другими делопроизводственными бумагами, отложившимися в фондах Минской, Ташкентской и Узбекстанской, а также Ленинградской епархий⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 45. 72 л.

² Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. Архивно-следственных дел (АСД). Д. П-68567. Т. 2, 3, 4; Д. П-81782. Т. 1; Д. П-88399. Т. 1; Д. 20682. Т. 1, 2.

³ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 951. Оп. 3. Д. 22, 25, 28, 29, 30, 33, 34, 38, 40, 41.

⁴ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9324. Оп. 2. Д. 78, 79, 80.

⁵ Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 182.

⁶ Архив Санкт-Петербургского епархиального управления (АСПБЕУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7, 9; Оп. 3 (1). Д. 7; Оп. 26 (III). Д. 3; Оп. 7. Д. 46; Архив Ташкентского и Узбекстанского епархиального управления (АТУЕУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 211; Д. «Дело протоиерея Брицкого Г.Я.»; Д. «Епископ Гурий. Отчет по Ташкентской епархии за 1950 год»; Д. «Информация по Средне-Азиатской епархии. 1948 год»; Д. «Епископ Гурий. Отчет по Ташкентской епархии за 1948 год»; Д. «Епископ Гурий. Отчет по Ташкентской епархии за 1949 год»; Д. «Епископ Гурий. Отчет по Ташкентской епархии за 1952 год»; Архив Минского Епархиального Управления (АМЕУ). Ф. 1 Оп. 2. Д. «Личное дело прот. Зылевича Василия Семеновича»; Д. «Циркулярные распоряжения 1959–1960 гг.»; Д. «Отчет по Минской Епархии за 1960 год».

В диссертации привлечен целый ряд материалов делопроизводственной документации, опубликованной в специальных сборниках документов, которые характеризуют развитие церковно-государственных отношений в СССР¹.

К третьей группе источников отнесены воспоминания, дневники и письма митрополита Гурия, воспоминания о нем², переписка патриарха Алексия I, в которой нашли отражение церковно-государственные отношения и упоминания о деятельности митрополита³. Эти субъективные по своему характеру источники позволяют проникнуть в психологический контекст, выявить отношение и роль персоналий к происходившим событиям в жизни страны и Церкви, к митрополиту Гурию (Егорову).

Из материалов периодической печати задействована хроника перемещений по службе, некрологи и сообщения, публиковавшиеся в «Журнале Московской патриархии»⁴ в период с 1946 по 1965 гг. К этой же категории стоит отнести материалы «Памятных книжек»⁵. Привлечены в диссертации и публикации в периодической печати проповедей митрополита, позволяющие судить о его религиозном мировоззрении⁶.

В основе **теоретической и методологической базы диссертации** лежит принцип историзма. Он позволяет учесть, с одной стороны, контекст эпохи

¹ Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов 1917–1941 гг. / сост.: Н.Ю. Черепенина, М.В. Шкаровский. СПб., 2000; Православная церковь на Витебщине (1918–1991). Документы и материалы / сост. В.П. Коханко, Н.В. Воронова, А.М. Киселев, М.В. Пищуленок, В.Г. Ширма. Минск, 2006; «Участвовало в стяжении победы...». Документы о служении православного духовенства Узбекистана в 1941–1945 годах: публикация Е. Абдуллаева // Восток Свыше. Духовный, литературно-исторический журнал. 2015. Вып. XXXVII. № 2 (апрель – июнь). С. 56–60.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917 г.). Минск, 2002; Дневник архимандрита Гурия (Егорова), написанный им в заключении в 1922–23 годах // Из личного архива протоиерея Георгия Северина: рукопись; Северин Г., протоиерей. Воспоминания о Митрополите Гурии (Егорове).

³ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. Т. I. 1945–1963 гг. М., 2009; Т. II. 1954–1970 гг. М., 2009.

⁴ Журнал Московской патриархии (ЖМП). 1946. № 5. С. 10, 13; № 9. С. 18; 1952. № 3. С. 31; 1953. № 3. С. 13; 1954. № 8. С. 3; 1955. № 11. С. 3; 1959. № 1. С. 14; № 6. С. 29; 1960. № 6. С. 28; Максим, игумен. Двенадцатый выпуск Минской духовной семинарии // ЖМП. 1960. № 7. С. 17–18; № 10. С. 4; Медведский А., протоиерей. Встреча Архипастыря // ЖМП. 1960. № 10. С. 8; Добрынин М. Престольный праздник в Ленинградских духовных школах // ЖМП. 1960. № 10. С. 19–22; Постоянный член Священного Синода Русской православной церкви Высокопреосвященнейший Гурий, митрополит Ленинградский и Ладожский // ЖМП. 1960. № 12. С. 17–19; Деяния Архиерейского собора Русской православной церкви // ЖМП. 1961. – № 8. С. 5–29; № 12. С. 3; 1963. № 6. С. 10; Северин Г., диакон. Митрополит Симферопольский и Крымский Гурий. Некролог // ЖМП. 1965. № 9. С. 17–19; Иоанн (Вендланд), митрополит. Памяти друга и учителя // ЖМП. 1965. № 9. С. 20–21.

⁵ Памятная книжка Императорской Петроградской духовной академии на 1915–1916 учебный год. Пг., 1915.

⁶ Гурий (Егоров), митрополит. Проповеди, сказанные в Кафедральном соборе г. Днепропетровска // Альфа и Омега. 2001. № 2 (28). С. 5–11; Гурий (Егоров), митрополит. Проповеди и беседы // Альфа и Омега. 2005. № 3 (44). С. 87–95.

1920–1960-х гг. в Советской России и в СССР, вникнуть в мотивы решений партийно-государственного аппарата в отношении Русской православной церкви, церковной и общественной деятельности митрополита, с другой – метод познания, требующий изучения эволюции церковно-государственных отношений, персональной истории Гурия (Егорова) в конкретно-исторической обусловленности и развитии. Диссертационное исследование базируется также на принципе объективности, который подразумевает воссоздание истории церковно-государственных отношений в СССР и биографии митрополита с опорой на подлинную широкую источниковую базу, реальные факты и знание объективных закономерностей взаимодействия государства и Церкви.

При исследовании проблемы автор опирался на разработанный в исторической антропологии контекстный подход к персональной истории. Этот подход основан на сохранении равновесия между особенностями индивидуальной биографии и развитием общественной жизни¹, диалектической взаимосвязи индивида и общества². Применительно к персональной истории Гурия (Егорова) общая установка этого направления состоит в том, что исследование направлено одновременно на реконструкцию исторического портрета церковного иерарха и на познание конкретной социально-исторической ситуации, контекста церковно-государственных отношений в СССР, в котором митрополит жил и действовал. Кроме того, задействована применяемая в философии и исторической антропологии метафора зеркала, которая позволяет рассматривать биографию человека как способность принимать участие в поддержании и развитии исторической реальности внутри нее³.

В числе специально-научных методов были задействованы биографический, системный и сравнительный методы исторического анализа. Использование биографического метода производилось через анализ церковно-государственных отношений в СССР через личность Гурия (Егорова). Историко-системный метод позволяет исследовать церковно-государственные отношения в Советской России и в СССР, а также общественную и церковную деятельность Гурия как целостные системы, в которых все элементы (социальные трансформации, идеология, традиции взаимоотношений, личные мотивы, системы ценностей и др.) вступают между собой в определенные связи и обусловлены разного рода взаимодействиями всемирного, отечественного и регионального значения. Наконец, историко-сравнительный метод позволяет раскрыть общее и особенное в развитии церковно-государственных отношений в СССР в столице и регионах, в межвоенный, военный и послевоенный периоды, в мотивах поведения Гурия (Егорова) и уполномоченных по делам Церкви; выявить особенности формирования контактных зон и правовой базы взаимоотношений между церковными и партийно-государственными институтами.

¹ Levi G. Les usages de la biographie // *Annales E.S.C. P.*, 1989. F. 44, № 6. P. 1325–1336.

² Репина Л.П. От «Истории одной жизни» к «Персональной истории» // *История через личность: Историческая биография сегодня...* С. 63.

³ Мельшиор-Бонне С. *История зеркала*. М., 2006. С. 15.

В аспекте **научной новизны** работа является пионерной, обращенной непосредственно к персональной истории святителя Гурия. Новые полученные результаты, раскрывающие достижения автора в исследовании проблемы, выражаются в следующем:

1. Введены в научный оборот новые архивные документы, связанные с деятельностью митрополита Гурия (Егорова), которые не только отражают его церковное служение и общественную жизнь, но и характер церковно-государственных отношений в СССР в целом.

2. Выделены основные этапы развития взаимоотношений Церкви и государства в 1920–1960-е гг., определены векторы компромиссного сосуществования Церкви и властей, особенности выстраивания правовой базы взаимоотношений в довоенный, военный и послевоенный периоды.

3. Установлена ведущая роль Александро-Невского братства в служении Гурия, его общественной и церковной деятельности.

4. Определены возможности, которыми Гурий (Егоров) располагал для осуществления церковной миссии в рамках изменившегося социально-исторического контекста, индивидуальные черты адаптации в послевоенном советском обществе, стратегии выстраивания компромиссного диалога с партийно-правительственным аппаратом.

5. Путем реконструкции белорусского и украинского периодов в общественной и церковной деятельности Гурия доказано, что, несмотря на развязанный властями новый этап преследований Церкви, органы власти уже не могли закрыть глаза на сформировавшиеся, в том числе и при участии митрополита, нормы церковно-государственных взаимоотношений.

6. Установлено, что административный и религиозный опыт Гурия, его умение исходить из условий трансформирующейся конфессиональной политики СССР и в то же время твердость в отстаивании русской духовности во многом способствовали выстраиванию в конечном счете сбалансированной и взаимоприемлемой модели церковно-государственных взаимоотношений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Персональная история видного церковного и общественного деятеля Гурия (Егорова) служит убедительным средством познания исторического социума, социального контекста эпохи, в которой он осуществлял свою миссию.

2. Необходимо преодолеть крайности советской, эмигрантской и зарубежной историографии через рассмотрение сложного пути выстраивания в советское время концепции церковно-государственных отношений, оформление основы вероисповедной политики и статуса Русской православной церкви.

3. Сохранение места церковной организации и веры в жизни советского государства в условиях драматических социально-политических трансформаций и войн, разделение Русской православной церковью всех испытаний со своим народом показывает, что религиозное сознание по-прежнему выступало катализатором исторического развития, оказывало реальное и непосредственное влияние на развитие конкретных исторических событий.

4. Персональная история митрополита Гурия (Егорова) как в зеркале отразила драму мучительных поисков и непростых условий складывания исторического компромисса между партийно-государственным аппаратом и Церковью.

5. Места служения Гурия (Средняя Азия, Белоруссия, Крым и др.) выступают своеобразными пространствами коммуникативного диалога, контактными зонами, в которых происходило взаимопознание политической и духовной среды.

6. Гурий (Егоров), как человек Церкви, обнаружил способности не только усваивать ценности и правила советского общества, но и на индивидуальном уровне оказывал влияние на те трансформации, которые происходили в Церкви, способствовал процессу ее постепенной социализации и культурной трансмиссии.

7. Опыт общественной и церковной деятельности Гурия (Егорова) служит уроком для преодоления расколов в обществе, выстраивания сбалансированной и взаимоприемлемой модели церковно-государственных взаимоотношений.

Соответствие диссертации паспорту специальностей, установленных ВАК. Диссертационное исследование написано в рамках научной специальности 07.00.02 (Отечественная история) по направлениям, связанным с областями научных исследований п. 13 – история взаимоотношений конфессий и государства и п. 17 – персоналии в российской истории.

Теоретическая значимость работы. Содержание исследования позволяет преодолеть негативные стереотипы и предубеждения, сложившиеся вокруг церковно-государственных отношений в СССР, а также показывает возможности применения персональной истории в изучении социально-исторического контекста эпохи. Материалы диссертации позволяют включить митрополита Гурия (Егорова) в круг тех церковных деятелей, которые активно способствовали выстраиванию сбалансированной и взаимоприемлемой модели церковно-государственных взаимоотношений.

Практическая значимость диссертационного исследования в том, что его положения и результаты выходят на применение в программах обучения вузов и школ, при разработке курсов и семинаров, посвященных истории взаимоотношений Церкви и Российского государства, православной культуре и истории религий. Содержание и выводы работы востребованы в рекомендательном плане для государственных и общественных организаций, осуществляющих разработку направлений конфессиональной политики на Северном Кавказе, реализующих взаимодействие церковных и властных институтов.

Апробация работы. Значительная часть материалов исследования изложена в докладах на международной конференции «Белорусы и Беларусь в системе координат Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко-культурных связей и международных отношений» (28 ноября 2017 г., Кубанский государственный университет), Всероссийской научно-практической конференции «Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции» (г. Керчь, 2–3 ноября 2017 г.), XIII Международных дворянских чтениях (г. Краснодар, 2017 г.). Автор диссертации опубли-

ковал 11 статей совокупным объёмом 9,15 п.л., в том числе 3 – в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. Отдельные разделы успешно апробированы при чтении лекций по истории Русской православной церкви в Краснодарской духовной семинарии.

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите заседанием кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Структура работы обусловлена предметом исследования и логикой изложения материала. Диссертация включает в себя три главы, разделённых на восемь параграфов, заключение и библиографический список. Работа выполнена в объёме, соответствующем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, даётся характеристика степени ее изученности, определяются объект и предмет, цель и задачи диссертации, обосновываются её географические и хронологические рамки. Даётся характеристика теоретико-методологической и источниковой базы, аргументируется научная новизна, излагаются положения, выносимые на защиту, отражена теоретическая и практическая значимость работы, дана информация об апробации результатов исследования и структуре диссертации.

Глава 1 «Социально-исторический контекст церковно-государственных отношений в 1917–1960-е гг.» представлена тремя параграфами.

В первом параграфе первой главы **«Церковно-государственные отношения в Советской России и в СССР в 1918–1940-х гг.»** показано, что характер церковно-государственных отношений после прихода к власти большевиков был во многом предопределен кризисным состоянием Церкви в начале XX в. Нейтралитет, декларируемый патриархом Тихоном в годы Гражданской войны, позволил уберечь Церковь от разгрома большевиков под предлогом борьбы с контрреволюцией, способствовал тому, что основные репрессии в отношении Русской православной церкви развернулись лишь в начале 1920-х гг. Среди большевистских вождей имелись разногласия о выборе между однозначно репрессивным подавлением чекистскими методами религиозности и церковности в стране и допущением определенных компромиссов с лояльными власти церковными иерархами. Репрессивная политика советского государства по отношению к Церкви была переориентирована на раскол церковной организации путем поддержки обновленческого движения.

Наряду с репрессивной политикой государства по отношению к Русской православной церкви имели место временные компромиссы, разные позиции в среде руководства страны по вопросу целесообразности применения мер против церковности и религиозности. Церковь в свою очередь осуществляла рассчитанную на перспективу практику непротивления злу насилием, разделяя с

русским православным народом вся тягота и беды установившихся государственных отношений. Дальновидная деятельность патриарха Тихона и митрополита Сергия в итоге дала свои плоды, обеспечив Церкви прочное место в жизни советского государства.

1930-е годы продемонстрировали не только невиданные прежде масштабы гонений на Русскую православную церковь в СССР, но обнаруживают и временные смягчения репрессивной политики, связанные с постепенным изменением интернационально-коммунистического курса советского правительства на национально-патриотический.

Во втором параграфе первой главы «Партийно-государственный аппарат и церковные институты в СССР во время военного лихолетья» рассматриваются церковно-государственные отношения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

С патриотического «Послания» митрополита Сергия началась новая эпоха во взаимоотношениях партийно-государственного аппарата Советского Союза и церковных институтов. Краткая встреча И.В. Сталина с митрополитом Сергием в июле 1941 г. лишь придала официальный характер складывающемуся церковно-властному взаимодействию. 4 сентября 1943 г. была организована встреча руководителя Советского государства И.В. Сталина с митрополитом Сергием (Страгородским) и еще с двумя иерархами. Результатом встречи 4 сентября 1943 г. было разрешение на избрание патриарха, восстановление духовных школ, возобновления издания журнала Московской патриархии, где печаталась церковная хроника, а также материалы духовного и патриотического содержания.

Годы Великой Отечественной войны стали временем ослабления и складывания условий для постепенной ликвидации болезненного для Русской православной церкви обновленческого раскола. На материалах преимущественно Средней Азии показано, что государственно-церковные отношения в Советской стране приняли характер компромисса. Это отчетливо проявилось в патриотическом порыве православного духовенства и верующих Средней Азии, ощутившей помощью Красной армии и семьям фронтовиков, покаянии обновленцев и объединении их с приходами Московской патриархии. В свою очередь советские власти в регионе стали проявлять веротерпимость, способствовали открытию новых приходов, шли навстречу нуждам Церкви, награждали церковных служащих государственными наградами за патриотическое служение своему народу. Протоиерей В. Цыпин считал, что на окраинах новый курс советского правительства был воспринят как возврат к бывшей «симфонии» церковно-государственных связей¹. Мы солидарны в данном случае с авторитетным мнением С.А. Асановой: «прежняя симфония» не вернулась, однако советские руководители и Московская патриархия пришли к компромиссному варианту взаимодействия².

¹ Цыпин В., прот. История русской церкви (1917–1997). М., 1997. Кн. 9. С. 305.

² Асанова С. Указ. соч. С. 55.

В третьем параграфе первой главы «Церковно-государственные отношения в СССР в послевоенный период (1945–1965 гг.)» рассмотрен социально-исторический контекст взаимоотношений этого периода. М.В. Шкаровский выделяет 3 этапа: 1) временное «перемирие» 1945–1953 гг.; 2) укрепление позиций патриархии – 1953–1957 гг.; 3) снова «война» – 1958–1964 гг. Другие исследователи – А.В. Горбатов и И.А. Курляндский полагают, что уже со второй половины 1948 г. в государственной церковной политике наметился отход от сложившегося диалогового пространства с Московской патриархией. Нам представляется, что ближе к истине всё же М.В. Шкаровский, поскольку, во-первых, инициативы партийной номенклатуры, ущемлявшие в эти годы интересы Церкви, отчасти амортизировал Совет по делам Русской православной церкви; а во-вторых, И.В. Сталин, бывший более практичным и реалистичным политиком, нежели многие из его увлекающихся крайностями сподвижников, все же сумел свернуть подготовку специального антирелигиозного постановления ЦК¹. Развернувшаяся в середине 1950-х гг. «оттепель» позволяла углубить возможности для нормальной религиозной жизни верующих, благотворно сказалась на существовании церковной организации.

Дальнейшее укрепление статуса Церкви патриарх Алексей I связывал с реформами Н.С. Хрущева, который в 1958 г. возглавил Советское правительство. Однако ЦК КПСС 4 октября 1958 г. принял специальное постановление, посвященное недостаткам атеистической пропаганды. В нем декларировалась задача разворачивания массового наступления «на религиозные пережитки» советских граждан. Выстроенная в 1945–1965 гг. основа взаимоотношений Церкви и Советского государства не позволила исключить из сложившейся системы общественного советского строя церковные организации и религиозность. Наиболее одиозные кампании против Церкви в итоге проваливались, а церковная организация помогала государству поддерживать силы мира на международной арене, укреплять нравственное и культурное состояние советского общества, воспитывала патриотизм и преемственность в развитии российской государственности.

Глава вторая «Церковная и общественная деятельность архимандрита Гурия (Егорова) в 1917–1945 гг.» включает в себя два параграфа.

В первом параграфе второй главы «**Становление личности, церковная и общественная деятельность Гурия (Егорова) в контексте войн и социальных преобразований в России**» аргументирует положение, что контекст переломной эпохи в истории России первой четверти XX в. во многом объясняет своеобразие судьбы митрополита Гурия (Егорова). Он был современником и участником Великой Отечественной войны, пережил социальные потрясения, оказался в водовороте многих других драматических событий. Гурий (Егоров Вячеслав Михайлович) родился в 1891 г., происходил из мещанской семьи Новгородской губернии, осиротел в раннем детстве, воспитывался в семье дяди, окончил Петровское коммерческое училище в Санкт-Петербурге со степенью кандидата коммерции, но отказался от карьеры коммерсанта и выбрал духовное

¹ Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве... С. 347.

поприще. Поступил вольнослушателем в Санкт-Петербургскую духовную академию, но с началом Первой мировой войны прервал обучение в академии и отправился на фронт братом милосердия. После перенесенного туберкулеза и выхода из госпиталя был пострижен в монашество под именем Гурий. В мае 1917 г. окончил Петроградскую духовную академию со званием кандидата богословия. Вместе с братом Львом (Егоровым) и иеромонахом Иннокентием (Тихоновым) занимался религиозным просвещением рабочих. Он в начале 1920-х гг. решительно выступал против обновленчества¹. Осведомитель в одном из доносов сообщал, что «агитация» Гурия имела успех среди рабочих бывшей Синодальной типографии и в других районах города². Вскоре, 22 мая 1922 г., Гурия арестовали и обвинили в «контрреволюционной пропаганде»³.

Созданное Гурием Александро-Невское братство являлось уникальной в своем роде формой взаимопомощи и духовного сопротивления в истории Церкви первых послереволюционных десятилетий. Гурий проявил себя как энергичный и негибкий борец за православную церковь и ее достоинство, так и мудрым и смиренным администратором, направляющим свои усилия на то, чтобы максимально облегчить ту боль и потери, которые несла его паства в годы воинствующего атеизма. В индивидуальном сознании Гурия на данном временном отрезке обнаруживается следование православным ценностям и основанным на них поведенческим моделям. В дневнике, который Гурий вел в тюрьме, говорится, что заключение дано ему «для внутреннего очищения»: потому «и насильственный Затвор», и «зависимость от других», и «строгость обращения», и «тревожная неизвестность будущего». Этому служат удаление от общества «и множество свободного времени и возможность много читать»⁴.

Осуществляя свое служение в Лаврском братстве, архимандрит Гурий (Егоров) получил тот неоценимый опыт, который помогал ему в решении нелегких жизненных вопросов, неоднократно встававших на его пути.

Во втором параграфе второй главы «Архимандрит Гурий (Егоров) в годы преследований и ссылок. Возвращение к активной общественной и церковной деятельности» анализируется деятельность святителя в социально-историческом контексте 1922–1945 гг. После содержания в тюрьме архимандрита Гурия сослали в Усть-Цильму, затем перевели из вечной мерзлоты в жаркий Туркестан (нынешний Узбекистан). Он поселился недалеко от Ашхабада, в селе, где проживали русские молокане, переселенные туда еще императорским правительством для заслона границы. Эти люди вели большое хозяйство, были очень набожны, трудолюбивы. У Гурия они вызвали большую симпатию, он интересовался жизнью молокан, а они отвечали ему взаимной симпатией. С окончанием ссылки он в начале 1925 г. вернулся в Ленинград, стал заведующим Богословского-Пастырским училищем и настоятелем киновии Александ-

¹ АУ ФСБ СПб ЛО. Д. 20682. Т. 1. Л. 33, 38.

² АУФСБ СПб ЛО. Ф. АСД. Д. П-88399. Т. 1. Л. 29.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 6.

⁴ Дневник архимандрита Гурия (Егорова), написанный им в заключении в 1922–23 годах // Из личного архива протоиерея Георгия Северина: рукопись. С. 2.

ро-Невской лавры¹. Свидетельства того времени говорят о его принципиальной верности Патриаршей церкви². В конце мая 1927 г. архимандрит Гурий был вновь арестован по делу Богословско-Пастырского училища, ему было предъявлено обвинение в хранении и распространении лекций контрреволюционного характера. Выжить в лагере на Беломорканале ему помогли бухгалтерские знания, полученные в коммерческом училище. Счетные дела конторы лагеря оказались очень запутаны, и знание бухгалтерского дела отцом Гурием оказалось весьма кстати. В короткий срок он сумел навести порядок в бухгалтерии, поэтому его нередко привлекали для работы в качестве кассира либо счетовода. В своей автобиографии Гурий писал, что «с 1933 г. по 1944 гг. проживал по болезни на покое в г. Ташкенте (до 1938 г.) и в г. Фергане, занимаясь своим хозяйством»³. Однако нам удалось установить, что он побывал у Ташкентского митрополита Арсения (Стадницкого), который благословил отца Гурия на «домашнее служение». Его маленькая община в Ташкенте жила наполненной богатым внутренним содержанием жизнью, которая носила глубоко церковный и в то же время активно-гражданский характер. Мир персональной истории Гурия при этом не оказывался полностью формируемым окружающей социальной действительностью, условиями советской действительности. По мнению видного отечественного теоретика персональной истории, персоналии «преобразуют то, чему их научили», в соответствии с их ожиданиями и нуждами. Они часто «ресоциализируются и рекультивируются» в различных ситуациях своей жизни⁴.

Несмотря на неприятие советской системы, Гурий и его соратники допускали при определенных условиях налаживание между Церковью и Советским государством пространства взаимопонимания. Архимандрит Варлаам (Сацердотский) в своих показаниях на допросах 28 февраля и 7 марта 1932 г. говорил, что у значительной части членов братства «антисоветские настроения вытекали из несогласий с антирелигиозной политикой»⁵. Сам Гурий все больше размышляет о закономерности социальных потрясений в России. Он пытается осмыслить трагедию раскола русского общества во время реформ Никона, осознает вину официальной церкви перед значительной частью русского народа, придерживавшегося старой веры, продумывает пути примирения с русским старообрядчеством. В персональной истории Гурия очевидна роль коммуникативного диалога, который, несмотря на все репрессивные крайности со стороны государства и неприятие вождями церковного сопротивления «богоборчества», продолжал иметь место, создавая своеобразные контактные зоны и условия компромиссного сосуществования потестарной и духовной среды.

Третья глава «Митрополит Гурий в 1946–1965 гг.» состоит из трех параграфов.

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 6.

² Макарий (Веретенников), архимандрит. Указ. соч. С. 118–119.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 145. Л. 6 об.

⁴ Репина Л.П. Указ. соч. С. 73.

⁵ АУФСБ СПб ЛО. Ф. АСД. Д. П-68567. Т. 2. Л. 25–26.

В первом параграфе третьей главы «Гурий (Егоров) во главе епархий Русской православной церкви в Средней Азии, в Поволжье, на Украине (1946–1958 гг.)» рассматривается церковно-административная и общественная деятельность святителя на различных кафедрах в послевоенный период. В августе 1946 г. Гурию было поручено возглавить Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию. Он стал епископом в удивительное послевоенное время, которое нередко называют Возрождением Русской церкви, широко проявил себя как активный общественный деятель и распорядительный церковный администратор. Руководство Гурием вверенной ему Ташкентской и Среднеазиатской епархии вызывало положительную оценку у многих руководителей Церкви. Ренегат А. Осипов в своем доносе оценивал Гурия как «борца за нравственное возрождение духовенства», считал, что Гурий стремился углубить в советском обществе влияние Русской православной церкви.

В январе 1953 г. появился указ патриарха о перемещении Гурия в Поволжье. Служение в Саратове было осложнено инфарктом миокарда и несложившимися взаимоотношениями с местным клиром. Вмешались человеческий фактор, зависть, клевета, атмосфера подозрительности и доносов, создавшаяся за последние десятилетия советской действительности. В 1954 г. Гурия переместили в Чернигов с титулом архиепископа Черниговского и Нежинского. Начавшийся процесс «оттепели» предоставил возможности расширить духовную жизнь. Уполномоченный по Черниговской области Ф. Репа сообщал, что Гурий постоянно находился с ним в тесном общении по вопросам епархиальной жизни¹. По отзывам благочинных, сообщал уполномоченный, владыка отличался тактом, простотой, вниманием и справедливостью в общении, был замечательным духовником и просто умным человеком.

В октябре 1955 г. владыку переводят в Днепропетровск с титулом архиепископа Днепропетровского и Запорожского. Гурий потребовал от всех настоятелей отчеты, навел порядок в денежной отчетности епархиального управления, много усилий уделял строительству и росписи Днепропетровского собора, развернул широкую проповедническую работу. Как руководитель епархии, Гурий отстаивал православные приходы перед католическими «поползновениями». Алексей I неоднократно давал архиепископу важнейшие поручения, связанные с инспекциями различных епархий по поводу разрешения конфликтных ситуаций.

Биографический анализ деятельности Гурия (Егорова) по руководству православными епархиями Средней Азии, Поволжья и Украины позволил выявить как пределы тех возможностей, которыми располагал архиепископ для осуществления церковной миссии в рамках изменившегося социально-исторического контекста, так и индивидуальные черты адаптации в послевоенном советском обществе, стратегии выстраивания в новых, более благоприятных для Церкви условиях, компромиссного диалога с партийно-правительственным аппаратом.

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 14.

Во втором параграфе третьей главы «Церковное и общественное служение Гурия в Белоруссии» анализируется деятельность митрополита в Минской епархии. Возглавив последнюю, Гурий энергично противостоит новой антицерковной кампании, действуя через советское законодательство и обращаясь к органам власти. Жалобы верующих он постоянно направлял уполномоченным Совета по делам Церкви в союзном и республиканском правительствах. Защищая интересы епархии, Гурий постоянно имел связь с председателем Совета по делам Церкви Г.Г. Карповым. В беседе 29 декабря 1959 г. митрополит заявил Карпову, что, согласно решениям Московской патриархии по ряду вопросов функционирования Церкви, отдельные уполномоченные не хотят фиксировать тех священнослужителей, которых раньше лишили регистрации. Гурий заявил, что местные советские чиновники ликвидируют регистрацию представителей духовенства, при этом его, главу республиканской епархии, «даже не ставят в известность». Не имеется, писал митрополит, и согласованности в плане определения слабых приходов. В итоге под предлогом, что приходские общины малочисленны, отказываются признавать назначения священнослужителей в те приходы, которые на самом деле вполне жизнеспособны¹. Глава Минской епархии постоянно вставал на защиту Церкви против воинствующего атеизма в газетах и на радио. В докладной записке уполномоченного Семенова отмечалось, что 22 января 1960 г. к нему пришел глава епархии. Последний бурно реагировал на ряд материалов, опубликованных в местных периодических изданиях, возмущался незаслуженной клеветой на протоиерея Богаткевича. Митрополит требовал защитить от ложных обвинений представителей Церкви, прихожан и верующих².

Нередко митрополиту приходилось находить тонкий компромисс в отношениях с представителями духовенства, чьи ошибки могли привести к неприятным последствиям для Белорусской епархии³. В своих циркулярах митрополит регулярно предписывал строго соблюдать законы и установленные властями порядки⁴.

Изучение белорусского эпизода в биографической истории Митрополита Гурия (Егорова) показало, что ликвидировать народную религиозность и ее институты из сформировавшейся системы общественного развития Советского Союза уже не представлялось возможным.

В третьем параграфе третьей главы «Церковная и общественная деятельность Гурия (Егорова) в г. Ленинграде и в Крыму» анализируется персональная история митрополита в 1960-е гг. Возглавив Ленинградскую и Ладужскую епархию, он столкнулся с проблемой передачи Духовского корпуса Александро-Невской лавры, в котором размещалась канцелярия митрополита, отделу народного образования Смольненского района для размещения там вечерней средней школы. Отстоять здание не удалось, но он организовал достой-

¹ НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.

² Там же. Л. 19.

³ АМЕУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. «Циркулярные распоряжения 1959–1960 гг.». Л. 67–68, 79.

⁴ Там же. Л. 80.

ное перезахоронение двух митрополитов Григория и Елевферия, чей прах покоился в Крестовой церкви Духовского корпуса. Гурий бурно реагировал на закрытие даже тех храмов, в которых из-за отсутствия содержания не было священнослужителей. Принимая ходяков из таких церквей с просьбами о присылке к ним священников, писал уполномоченный, митрополит указывал на запрет уполномоченного назначать в эти храмы священников¹.

14 ноября 1961 г. Гурия перевели в Крым с титулом митрополита Симферопольского и Крымского. Одновременно с ноября 1961 г. по июль 1965 г. он руководил Днепропетровско-Запорожской кафедрой. Уполномоченный Г.П. Пинчук, который очень не хотел прибытия митрополита, характеризовал служение Гурия весьма нелестно. «В период управления Черниговской и Днепропетровской епархиями, – писал Г.П. Пинчук, – Гурий следил за дисциплиной в среде священнослужителей, внешним видом храмов епархии, но не был чужд и заботам «о собственном комфорте и благополучии». Не понравилось Пинчуку и то, что митрополит не переносил, когда к нему обращались по имени и отчеству. В разговорах с Пинчуком он едко подчеркивал: «Я не Вячеслав Михайлович, а Гурий»². Эта характеристика весьма пристрастна, несет налет очевидного невежества. Уполномоченный не имеет никакого понятия о том, в что в каноне не допускается светское обращение. Более того, Г.П. Пинчук скорее стремится приписать Гурию собственные комплексы, свои стяжательские убеждения, не учитывая масштабы территорий, подконтрольных митрополиту.

С принятием постановления союзного правительства о расширении контроля за соблюдением церковного законодательства по Крыму прокатывались кампании пропаганды атеизма. Открыто противостоять действиям властей Гурий не имел возможности. Он следовал древней христианской парадигме уважительно относиться к государственной власти. Тексты персональной истории митрополита этого времени свидетельствуют о напряженном диалоге с властью, который вел изможденный хворьями святитель в последние годы жизни.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования. Опыт исследования персональной истории видного церковного и общественного деятеля Гурия (Егорова) показал правомерность применения контекстного подхода, когда историческая биография выступает одновременно реконструкцией неповторимой судьбы митрополита, а также средством познания того исторического социума, в котором он жил, мыслил и действовал.

Изучение социально-исторического контекста позволило преодолеть крайности советской, эмигрантской и зарубежной историографии, скорректировать устоявшиеся подходы в рамках модели официально-идеологической концепции церковно-государственных отношений, предусматривающей постепенное оформление специальной базы вероисповедной политики и статуса Русской православной церкви.

Погружение в социальный контекст 1930-х гг. позволяет увидеть не только невиданные прежде масштабы карательной политики в СССР, но и временные

¹ ЦГАСПб. Ф. Р-9324. Оп. 2. Д. 80. Л. 85.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 47.

ее смягчения, связанные с постепенным изменением интернационально-коммунистического курса советского правительства на национально-патриотический.

Более того, в драматические годы борьбы с немецко-фашистскими захватчиками государственно-церковные отношения в Советском Союзе приняли характер компромисса. В диссертации это положение аргументировано на примере отдельно взятого региона (Средняя Азия), где в это время жил Гурий (Егоров). Компромиссное состояние церковно-государственных отношений отчетливо проявилось, с одной стороны, в покаянии обновленцев и объединении их с приходами Московской патриархии, патриотическом порыве православного духовенства и верующих Средней Азии, ощутимой помощи Красной армии и семьям фронтовиков. С другой – очевидны проявления веротерпимости партийных и государственных органов, помощь в открытии новых приходов и в других нуждах Церкви, поощрение церковных служащих государственными наградами за патриотическое служение своему народу.

Завершённость конфессиональной политике государства придали сложившиеся в 1945–1965 гг. традиции взаимоотношений. Несмотря на порой резкие изменения идеологического курса, последние не позволили исключить религию и церковную организацию из сложившейся системы общественных отношений в Советском государстве. В итоге наиболее одиозные кампании против Церкви провалились, а церковная организация помогала государству поддерживать силы мира на международной арене, укреплять нравственное и культурное состояние советского общества, воспитывала патриотизм и преемственность в развитии российской государственности.

Персональная история митрополита Гурия (Егорова) как в зеркале отразила драматические страницы формирования этого исторического компромисса. Отстаивание православных ценностей в рамках Александро-Невского братства, перенесенные вместе со своим народом нелегкие испытания сформировали умного и ревностного архипастыря, способного адекватно оценивать окружающую действительность и соответственно этому проявлять себя как энергичным и несгибаемым борцом за достоинство Церкви, так и мудрым и смиренным администратором, направляющим свои усилия на то, чтобы максимально облегчить потери от воинствующего атеизма. Персональная история архимандрита Гурия (Егорова) в 1920–1940-е гг. сочетает социально-историческую детерминацию с детерминацией личностной. Материалы диссертации позволили реконструировать пространство коммуникативного диалога, своеобразные контактные зоны. Ход событий и их последствий в чрезвычайных исторических обстоятельствах на уровне индивидуальной биографии позволил сделать вывод о совместимости микро- и макроанализа, полюсов индивидуальности и коллективности.

Биографический анализ деятельности Гурия (Егорова) по руководству православными епархиями Средней Азии, Поволжья и Украины в 1946–1958 гг. позволил выявить как пределы тех возможностей, которыми располагал архиепископ для осуществления церковной миссии в рамках изменившегося соци-

ально-исторического контекста, так и индивидуальные черты людей Церкви, механизмы их адаптации в послевоенном советском обществе.

Изучение взаимоотношений митрополита с уполномоченными по делам Церкви, патриархией и православным населением Белорусской ССР показало, что власти уже не могли закрыть глаза на сформировавшиеся, в том числе и при участии Гурия, нормы взаимоотношений советского государства и церковной организации.

Несмотря на новую кампанию гонений, развернувшуюся в годы управления митрополитом Ленинградской, Крымской и Симферопольской, а также Днепропетровской и Запорожской епархиями, тексты персональной истории свидетельствуют о напряженном диалоге с властью, который вел святитель. Административный и религиозный опыт митрополита-подвижника, его оценка ситуации и принятие верного решения в соответствии с условиями меняющейся государственной конфессиональной политики, твердость в отстаивании русской духовности во многом способствовали выстраиванию сбалансированной и взаимоприемлемой модели церковно-государственных взаимоотношений.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Литвинко М.В. Государственная власть и Русская православная церковь в СССР в зеркале персональной истории (на примере общественной и церковной деятельности митрополита Гурия Егорова) // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2017. № 5. С. 69–74 (0,8 п.л.).

2. Литвинко М.В. Митрополит Гурий (Егоров) в Белоруссии: вехи персональной истории в зеркале государственно-церковных отношений // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2017. № 8. С. 114–120 (0,9 п.л.).

3. Литвинко М.В. Митрополит Гурий (Егоров) в истории взаимоотношений Русской православной церкви и советских властей на Украине в середине 1950-х – середине 1960-х гг. // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2017. № 10. С. 56–63 (1,0 п.л.).

Научные публикации в иных изданиях:

4. Литвинко М.В. Церковно-государственные отношения в СССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам Средней Азии) // Современные исследования государства и общества: всероссийский научный журнал. Краснодар, 2015. № 3–4. С. 34–40 (0,9 п.л.).

5. Литвинко М.В. Деятельность митрополита Гурия (Егорова) в зеркале церковно-государственных отношений в СССР (1920–1960-е гг.). Историографический аспект // Современные исследования государства и общества. Всероссийский научный журнал. Краснодар, 2016. № 1–2. С. 22–26 (0,6 п.л.).

6. Литвинко М.В. Церковно-государственные отношения в СССР в после-

военный период (1945–1965 гг.) // Современные исследования государства и общества. Всероссийский научный журнал. Краснодар, 2016. № 3–4. С. 26–35 (1,25 п.л.).

7. Литвинко М.В. Религиозная жизнь в Белоруссии в 1959–1960 гг. через призму персональной истории митрополита Гурия // Белорусы и Беларусь в системе координат Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко-культурных связей и международных отношений: материалы междунар. науч.-практ. конф. 28 ноябр. 2017 г. Краснодар: Традиция, 2017. С. 185–194 (0,6 п.л.).

8. Литвинко, М.В. К вопросу о последствиях отделения Церкви от государства в ходе Октябрьской революции (на примере деятельности Александроневского братства) // VI Столыпинские чтения. Социально-политическая и экологическая безопасность как политический курс стратегического развития современной России: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием 14 апр. 2017 г. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. С. 324–330 (0,5 п.л.).

9. Литвинко, М.В. Деятельность митрополита Гурия (Егорова) в Крыму в 1961–1965 гг. // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Керчь, 2-3 ноябр. 2017 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. С. 227–231 (0,5 п.л.).

10. Литвинко, М.В. Взаимоотношения Русской православной церкви и Советского государства в 1918–1940-х гг. // Современные исследования государства и общества: всероссийский научный журнал. Краснодар, 2017. № 1–2. С. 26–35 (1,2 п.л.).

11. Литвинко М.В. Через испытания революцией, войнами и гонениями: жизненный и духовный путь митрополита Гурия (Егорова) // «Настанет год, России черный год...»: революция и Гражданская война в судьбах дворянства и народов России: Материалы XIII Международных Дворянских чтений 18 ноябр. 2017 г.: сб. науч. ст. Краснодар: Экоинвест, 2017. С. 94–108 (0,9 п.л.).

Литвинко Михаил Васильевич

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ В СССР В ЗЕРКАЛЕ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИТРОПОЛИТА ГУРИЯ (ЕГОРОВА))**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 14.09.2018 г. Формат 60 X 84 1/16.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 1,7. Тираж 100 экз. Заказ №
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149